

Монсеньор Марсель Лефевр. Открытое письмо растерянными католикам.

I. Почему растерянные?

Кто станет отрицать, что католики в конце XX века растеряны? Явление это относительно недавнее и связано с двадцатью последними годами истории Церкви: чтобы в этом убедиться, достаточно понаблюдать за тем, что происходит. Раньше путь был торен: либо ты шёл по нему, либо нет. У человека либо была вера, либо он её утратил, либо ещё не обрел. Но верующий, вошедший во святую Церковь крещением, обновивший свои обеты в возрасте 11 лет и получивший Святого Духа в день Миропомазания, знал, во что ему верить и что ему делать.

Сегодня многие уже не знают. В церквях звучат такие обескураживающие речи, пишутся заявления, столь противоречащие всему, чему всегда учили, что в души вкралось сомнение.

30 июня 1968 года в Риме, закрывая Год Веры, Его Святейшество Павел VI исповедовал католическую веру перед всеми епископами, бывшими тогда в Риме, и перед сотнями тысяч верных. В предисловии он предостерегал всех против покушений на доктрину, ибо по его словам, "так порождают в душах многих верных смущение и *растерянность*, каковые к несчастью мы видим сегодня".

То же слово находим в речи Его Святейшества Иоанна-Павла II от 6 февраля 1981 года: "Ныне большинство христиан чувствует себя заблудившимися, смущёнными, *растерянными* и даже обманутыми". Причины этого состояния Святейший Отец подытожил так: "Со всех сторон распространились идеи, противоречащие откровенной и всегда преподаваемой истине. В области догмы и морали были проповеданы сущие ереси, что возбудило сомнения, смущение, бунт. Разорили даже литургию. Погруженные в интеллектуальный и моральный релятивизм, христиане искушаемы туманным моралистическим просвещенчеством, социологическим христианством - без определённой догмы и объективной морали".

Эта растерянность на каждом шагу проявляется в разговорах, в писаниях, в газетах, в радио- и телепередачах, в поведении католиков, которое, по свидетельству статистики, характеризуется значительным снижением религиозной активности, оставлением Мессы и таинств, общим расслаблением нравов.

Отсюда вопрос: чем вызвано такое состояние вещей? Всякое действие имеет свою причину. Неужели исчезло благородство души, неужели из-за погони за удовольствиями, из-за привязанности к прелестям этой жизни и многочисленным развлечениям, которыми манит современный мир, оскудела людская вера? Но это не настоящие причины, они всегда так или иначе существовали; стремительное падение религиозной активности скорее происходит от нового духа, заведшегося в Церкви и бросившего тень подозрения на целое прошлое церковной жизни, с её учением и жизненными принципами. Тогда всё это основывалось на непоколебимой вере Церкви, которая передавалась в катехизисе, признанном всеми епископатами.

Вера основывалась на уверенности. Поколебав уверенность, посеяли растерянность.

Приведём один пример: Церковь учила - и все верные верили этому - что католическая религия - единственно истинная. Действительно, ведь она основана Самим Богом, тогда как все прочие - дела рук человеческих. Отсюда следовало, что христианин должен избегать связи с лжерелигиями, но с другой стороны делать всё, чтобы привести их приверженцев к религии Христа.

Истинно ли это и донныне? Конечно. Истина неизменна, иначе выдаваемое за нее никогда не было истиной. Никакие новые данные, никакое научное или теологическое открытие - если вообще возможны теологические открытия - никогда не приведёт к тому, что католическая религия перестанет быть единственным путём ко спасению.

Но вот сам Папа присутствует на церемониях этих лжерелигий, молится и проповедует в храмах еретических сект. Телевидение разносит по всему миру образы этих ошеломляющих контактов. Верные уже ничего не понимают.

Лютер - подробнее я вернусь к этому позже - увлёк из Церкви целые народы, потряс Европу духовно и политически, разрушая католическую иерархию, католическое духовенство, придумав ложное учение о спасении, неверное толкуя о таинствах. Его мятеж против Церкви послужил образцом для всех последующих революционеров, ввергающих в хаос Европу и весь мир. Невозможно, как хотелось бы некоторым, спустя пятьсот лет сделать из него пророка или учителя Церкви - он не святой.

Но вот, я читаю *Католическую Документацию* или епархиальные журналы и вижу что вышло из под пера смешанной католическо-лютеранской комиссии, официально признанной Ватиканом:

"Среди идей Второго Ватиканского Собора, в которых видно согласие с требованиями Лютера,

находим например:

- описание Церкви как "народа Божия" (главная идея нового кодекса канонического права: демократическая, а не иерархическая идея);
- подчёркивание священства всех крещённых;
- обязательство уважать право личности на свободу в религиозных вопросах.

Также другие ранее выдвинутые Лютером требования могут считаться удовлетворёнными в богословии и практике сегодняшней Церкви: употребление народного языка в богослужении, возможность причастия под двумя видами, а также обновлённая теология и нынешний способ совершения Евхаристии".

Какое значительное признание! Удовлетворять требованиям Лютера, показавшего себя решительным и яростным врагом Мессы и Папы! Принимать претензии богохульника, который говорил: "Я утверждаю, что все дома терпимости, все человекоубийства, все кражи, все прелюбодеяния вместе взятые не столь дурны, как эта омерзительная Месса!" Из такой безумной реабилитации можно извлечь только одно заключение: надо либо осудить разрешивший её Второй Ватиканский собор; либо осудить Тридентский Собор и всех Пап, которые, с XVI-ого века, объявляли протестанство ересью и схизмой.

Понятно, что перед таким переворотом католики теряются. Но у них ещё немало поводов к растерянности! Год за годом они видели, как меняются и содержание и форма религиозной практики, знакомой взрослым по первой половине их жизни. Алтари в церквях были разрушены или заменены столом, часто подвижным и разборным. Дарохранительница не занимает больше почетного места, чаще всего она скрыта в боковом пилоне; а если её и оставили посередине, то священник, служа Мессу, поворачивается к ней спиной. Священнослужитель и верные стоят лицом друг к другу и ведут беседу. Кто угодно может прикоснуться к освященным сосудам, часто заменяемых корзинами, блюдами, керамическими пиалами; миряне, в том числе женщины, раздают причастие, которое люди берут в руки. С Телом Христа обращаются неуважительно, что приводит к сомнению в действительности пресуществления.

Таинства преподают по-разному в зависимости от места: например возраст крещения и миропомазания, способ свадебного благословения, одобренного пением и чтениями, не имеющими ничего общего с богослужением, либо заимствованными из других религий, либо из чисто светской литературы, когда они прямо не выражают политических взглядов.

Универсальный язык Церкви, латынь и грегорианский хорал исчезли почти совсем. Все песнопения заменены современными песенками, в которых нередко слышны те же ритмы, что и в увеселительных местах.

Католики также были ошарашены внезапным исчезновением церковного облачения, как если бы священники и монахини устыдились самих себя. Родители, отправляющие своих детей на катехизацию, выясняют, что тех больше не учат истинам веры, даже основным: о Святой Троице, о тайне Воплощения, об Искуплении, о первородном грехе, о Непорочном Зачатии. Отсюда чувство глубокого смутения: это что, больше не правда, это всё недействительно, "устарело"? О христианских добродетелях даже не упоминают; в каком катехизисе говорится, например, о смирении, о целомудрии, об умерщвлении плоти? Вера стала расплывчатым понятием, милосердие приняло вид всеобщей солидарности, а надежда теперь - главным образом на улучшение мира.

Такие новшества - не из тех, что в человеческом плане появляются со временем, к чему мы приучаемся, с чем свыкаемся после первого периода удивления и колебаний. В человеческой жизни меняется немало способов делания; будь я еще миссионером в Африке, я отправился бы туда на самолете, а не на корабле, как раньше, хотя бы даже из-за трудности найти мореходную компанию, обслуживающую нужный маршрут. В этом смысле можно сказать, что надо жить в ногу со временем и мы, ко всему прочему, обязаны так поступать.

Но католики, которым в силу того же принципа захотели навязать новшества в духовном и сверхъестественном плане, отлично поняли, что это невозможно. Нельзя изменить святого Жертвоприношения Мессы, таинств, установленных Иисусом Христом, нельзя изменить раз и навсегда открытой истины, нельзя одну догму заменить на другую.

На последующих страницах я хотел бы ответить на вопросы, которые вы себе задаёте, вы, знающие иное лицо Церкви. Я хотел бы также просветить молодых людей, родившихся после собора, ведь им католическая община не даёт того, что они вправе от неё ожидать. Наконец я желал бы обратиться к безразличным или агностикам: когда-нибудь их коснется милость Бога, но они рискуют обнаружить

церкви без священников и доктрину, не соответствующую стремлениям их души.

И потом этот вопрос по видимости затрагивает всех, судя по тому интересу, с которым следит за ним печать, особенно в нашей стране. Журналисты тоже выглядят растерянными. Вот несколько заголовков выбранных наудачу: "Умрет ли Христианство?", "А если время работает против религии Иисуса Христа?", "Будут ли еще священники в 2000 г.?"

На эти вопросы я хочу ответить, не изобретая в свою очередь новых теорий, но ссылаясь на непрерывное Предание; им так пренебрегали в последние годы, что многим читателям оно может показаться чем-то новым.

II. Изменили религию!

Мне надо сразу рассеять одно недоразумение - так, чтобы уже к этому не возвращаться: я не лидер какого-то движения, и уж вовсе не глава какой-то отдельной церкви. Я не "глава традиционалистов", как все время пишут. Некоторых людей зачислили в "лефевристы", как если бы речь шла о партии или школе. Это речевая ошибка.

У меня нет никакого собственного религиозного учения. Я всю жизнь держался того, чему меня научили на скамье французской семинарии в Риме, а именно католического вероучения так, как его толкует Учительство Церкви из века в век со смерти последнего апостола, отметившей конец Откровения.

Здесь неоткуда взяться пище, способной удовлетворить сенсационный голод журналистов и через них - нынешнего общественного мнения. Несмотря на это вся Франция всколыхнулась 29 августа 1976 года, узнав, что я собираюсь отслужить Мессу в Лилле. Что необычайного в том, что епископ совершает Святую Жертву? Мне пришлось произносить проповедь перед строем микрофонов, и каждую мою фразу приветствовали как громкую декларацию. Но что я говорил сверх того, что мог сказать любой другой епископ?

Так вот разгадка! Другие епископы уже несколько лет, как не говорят одно и то же. Например, часто ли вы слышали от них о социальном царстве Господа Нашего Иисуса Христа?

Мое личное приключение не перестаёт меня изумлять: эти епископы в большинстве были моими соучениками в Риме, их учили так же, как и меня. И вдруг я оказался совсем один. Они изменились, они отказались от того, чему их учили. А я ничего не изобрел, я продолжал всё то же. Кардинал Гарон даже сказал мне однажды: "Нас обманули во французской семинарии в Риме". В чем обманули? Разве до собора тысячи раз он не учил катехизируемых детей повторять акт веры: "Боже, твердо верую всем истинам, что Вы открыли и преподаёте через Свою Церковь, потому что Вы не можете ни обмануться, ни обмануть нас" ?

Как же все эти епископы претерпели такую метаморфозу? Я вижу одно объяснение: они остались во Франции, они дали себя медленно заразить. В Африке я был защищён. Я вернулся как раз в год собора; зло уже было сделано. Второй Ватиканский собор только открыл клапаны, которые сдерживали разрушительный поток.

И в кратчайший срок, ещё прежде закрытия четвертой сессии, наступил крах. Всё или почти всё уже куда-то уносилось, начиная с молитвы.

Христианину, которому присуще чувство Бога и уважение к Нему, больно от того, как его заставляют сегодня молиться. Молитвы, заучиваемые наизусть, объявили "зубрёжкой", их больше не преподают детям, их уже не найти в катехизисах, за исключением разве что "Отче наш" в новой версии протестантского толка, которая обязывает тыкать Богу. Систематически тыкать Богу - не признак великого уважения и не в духе нашего языка, предлагающего различный регистр, согласно адресату: обращаемся ли мы к начальнику, к родственнику или к товарищу. В том же послесоборном "Отче наш", Бога просят: "не подвергни нас искушению" - выражение по меньшей мере двусмысленное, в то время как наш традиционный французский перевод предлагает улучшение латинской формулы, довольно неловко скалькированной с еврейского. В чём же прогресс? Тыканье заполонило всё народное богослужение: *Новый Воскресный Служебник* употребляет "ты" исключительно и обязательно. Не вижу причин для подобной перемены, столь противной французским нравам и культуре.

В католических школах протестировали детей в возрасте двенадцати и тринадцати лет. Лишь немногие знали наизусть *Pater noster*, на французском языке естественно, некоторые смогли прочесть *Радуйся, Мария*. За двумя-тремя исключениями дети не знали Апостольского Символа, Исповедую Богу, акты веры, надежды, любви и сокрушения, Ангел Господень и Вспомни, Мария... Да и откуда им знать, если

большинство об этом даже никогда не слышало? Молитва должна быть "спонтанной", как учат теперь, надо говорить Богу от избытка чувств: вот и пренебрегли прекрасной педагогикой Церкви, вычеканившей эти молитвы, к которым прибегали величайшие святые.

Кто побуждает ещё христиан к тому, чтобы молиться утром и вечером в семье, просить благословения пищи и благодарить Бога после трапезы? Я узнал, что во многочисленных католических школах не желают больше молитвы перед началом уроков под тем предлогом, что в классе есть неверующие или иноверующие ученики, и нельзя же шокировать их совесть и проявлять чувства победителей. Поздравляют себя с тем, что принимают в эти школы подавляющее большинство не-католиков и даже не-христиан и с тем, что ничего не делают, чтобы привести их к Богу. Маленькие католики должны скрывать свою веру под видом уважения к мнению одноклассников.

Коленопреклонение в ходу у весьма ограниченного числа верных: его заменили наклоном головы или чаще вовсе ничем. Просто входим в церковь и садимся. Мебель заменили, деревянные скамеечки для молитвы пошли на растопку, а во многих церквях установили кресла, как в зрительных залах потому, что так удобнее разместить публику, когда церкви используются для концертов. Мне приводили случай часовни Святого Таинства, в большом парижском приходе, куда работающие неподалёку люди заходили во время обеденного перерыва. Однажды часовню закрыли на ремонт; а когда она вновь открыла свои двери, скамеечки для молитвы исчезли, на удобном ковре поместили дорогие набивные мягкие сиденья как в приёмных больших фирм или авиакомпаний. Поведение верных тотчас же изменилось; некоторые становились на колени на ковёр, но большинство усаживалось поудобней и медитировало перед дарохранительницей, закинув ногу за ногу. Духовенство этого прихода имело вполне определённый замысел; на дорогостоящие покупки не идут, не подумав сперва над тем, что делают. Здесь видно намерение изменить отношения человека с Богом, сдвинув их в сторону непринужденности, бесцеремонности, как если бы Его считали себе равным. Когда у нас отнимают жесты, воплощающие "религиозную добродетель", как сохранить убеждение, что мы находимся в присутствии Творца и безраздельного Владыки всего сущего? Не рискуем ли мы также свести на нет чувство его действительного Присутствия в дарохранительнице?

Католики также сбиты с пути нарочитой пошлостью и даже вульгарностью, которую систематически навязывают местам культа. Сочли за самохвальство всё, что способствовало красоте зданий и роскоши церемоний. Оформление должно приблизиться к бытовому окружению, к тому "как в жизни". В века веры Богу дарили самое ценное; именно в деревенской церкви можно было увидеть то, что уж точно не принадлежало обыденности: убранство из золота и серебра, произведения искусства, тонкие ткани, кружева, вышивки, статуи Пресвятой Девы, увенчанные драгоценностями. Христиане шли на денежные траты, чтобы как можно лучше почтить Всевышнего. Все это споспешествовало молитве, помогало душе возвыситься. Так устроен человек: когда волхвы отправились к бедным яслям Вифлеема, они принесли золото, ладан и смирну. С католиками грубо обращаются, заставляя их молиться в тривиальной обстановке, в "поливалентных помещениях", которые не отличаются ни от какого другого общественного места, а если иногда и отличаются, то в худшую сторону. Тут и там забрасывают величественную готическую или романскую церковь, чтобы построить рядом голый, наводящий уныние ангар, или организуют "домашнюю евхаристию" в столовых и даже на кухне. Мне рассказывали об одной такой евхаристии, которую служили на дому у покойного в присутствии семьи и друзей; после церемонии убрали потир и, за тем же столом, покрытом той же скатертью, сели поминать. В эту минуту в нескольких сотнях метров, только птицы пели Господу вокруг церкви XIII-ого века, украшенной великолепными витражами.

Тем из вас, читатели, кто помнит довоенное время, конечно знаком пыл процессий Торжества Тела Господня, с многократными стояниями, пением, кадилами, сияющий дароносицей, которую священник нес на солнце под вышитым золотом балдахинном, со знаменами, цветами, колокольным звоном. Чувство поклонения рождалось в душе детей и запечатлевалось там на всю жизнь. Похоже, этим первостепенным аспектом молитвы сильно пренебрегают. Или опять нам будут твердить о необходимой эволюции, о новом образе жизни? Но из-за пробок не отменяют уличных демонстраций, а их участники не испытывают никакого стыда перед стоящими в пробках людьми, они выражают свои настроения, свои требования - справедливые или нет. Почему именно Бога надо было отодвинуть и почему именно христиане должны воздержаться от подобного Ему публичного поклонения?

Почти полное исчезновение процессий во Франции идёт не от утраты интереса верных. Оно предписано новой пастырской политикой, а ведь та постоянно настаивает на поиске "активного участия народа Божия". В 1969 г. настоятель Уазы был отстранен своим епископом, предварительно получив запрет на организацию традиционной процессии Торжества Тела Господня; эта процессия все же состоялась и привлекла в десять раз больше участников, чем деревня насчитывала жителей. Кто

после этого скажет, что новая пастырская политика, впрочем, противоречащая в этом пункте соборной Конституции о Святой Литургии, отвечает глубоким устремлениям христиан, по-прежнему преданным таким формам благочестия?

Да и что им предлагают взамен? Немногое, так как служить Богу стали значительно меньше. Священники больше не приносят Святую Жертву каждый день и сослужат в остальное время, таким образом число Месс существенно сократилось. В деревнях практически невозможно быть на Мессе по будням; а по воскресеньям нужно добираться на машине в тот населенный пункт, чья очередь сейчас принимать священника "данного сектора". Многие церкви Франции закрыты окончательно, другие открываются лишь несколько раз в году. Когда к этому добавляется кризис призваний, или скорее кризис оказываемого им приема, воцерковленность становится из года в год всё более трудным делом. Большие города в лучшем положении, но чаще всего невозможно причаститься, например в первые пятницы или первые субботы месяца. О ежедневной Мессе тут можно и не мечтать; во многих городских приходах её служат только по требованию, для данной группы в удобное для неё время. Случайно зашедший на такую Мессу прохожий, чувствует себя чужаком на празднике, где речь усеяна намеками на деятельность и жизнь группы. Бросили тень на то, что называли приватными Мессами в противоположность общинным Мессам; в действительности же община взорвалась на мелкие ячейки. Не редки случаи, когда священники, в присутствии нескольких активистов, служат на дому христианина, вовлеченного в деятельность католического действия или иной группы. А воскресный график распределен по этническим общинам: португальская Месса, французская Месса, испанская Месса. В нашу эпоху, когда участились поездки за границу, католики вынуждены присутствовать на Мессах, в которых не понимают ни единого слова, а им при этом внушают, что невозможно молиться "не принимая участия". Как же им участвовать?

Нет больше Месс или есть в малом количестве, нет больше процессий, нет больше благословений Святыми Дарами, нет больше вечерни... Совместная молитва приведена к своему самому простому выражению. Но когда верный преодолел все трудности расписаний и перемещения, что ему предлагают для утоления духовной жажды? В дальнейшем я коснусь литургии и серьезных изменений, которым она подвергается. Давайте пока остановимся на внешней стороне вещей, на форме этой общей молитвы. Слишком часто атмосфера этих "богослужений" бьёт по религиозному чувству католиков. Наблюдается вторжение светских ритмов, со всеми видами ударных инструментов, под гитару и саксофон. Вот, что пишет, при поддержке многочисленных знаменитых деятелей музыкального мира, музыкант ответственный за литургическую музыку в одной епархии на севере Франции: "Вопреки нынешним заявлениям, музыка этих песен не современна: сам музыкальный стиль не нов, он обслуживал весьма профанные места и круги (в кабаре, в мюзик-холлах, часто для более или менее чувственных танцев, выраженных в иностранные имена): такая музыка побуждает к раскачиванию или к "свингу": всем хочется вертеться. Вот "телесное выражение" наверняка чуждое нашей западной культуре, мало способствующее сосредоточенности, имеющее мутные истоки. Чаще всего наши собрания и так не соблюдают точного ритма, едва избегая уравнивания полунокт с четвертыми долями в размере 6/8, а барабаны не успевают: тогда пропадает желание трястись, но ритм оказывается бесформенным и еще больше являет обычную бедность мелодической линии".

Что стало с молитвой во всём этом? К счастью кажется, что во многих местах возвратились к менее варварским обычаям. Но если хочешь петь, то тебя заставляют пользоваться продукцией специальных официальных органов, заведующих церковной музыкой, так как и речи не может быть о том, чтобы использовать чудесное наследие прошлых веков. Обычно проигрываемые мелодии, всегда одни и те же - очень посредственного образца. Более проработанные музыкальные отрывки в исполнении хора отдают светским влиянием и скорее возбуждают чувствительность, чем пронизывают душу подобно грегорианскому пению. Тексты - сплошь изобретенные, из нового словаря, как если бы двадцать лет назад некий поток смел все антифонии (а ведь ими, даже желая творить новое, можно было вдохновиться). Слова подстраиваются под мимолетный стиль и быстро выходят из моды, становясь непонятными в кратчайший срок. Бесчисленных диски, предназначенные для "оживления" приходов, распространяют переделки псалмов и, поданные как таковые, вытесняют священный текст божественного вдохновения. Почему бы не петь сами псалмы?

Некоторое время назад появилась новинка; плакаты, установленные при входе в церковь, гласили: "Хвалите Бога, хлопайте в ладоши!" Во время службы по сигналу ведущего помощники поднимают руки над головой и ударяют в такт с силой, производящей в санктуарии необычайный грохот. Конечно этот вид новшества, не укорененный даже в светской среде и пытающийся привить искусственный литургический жест, не имеет будущего; однако он добавляет разочарованию католиков и увеличивает их растерянность. Можно не ходить на "Gospel Nights", но что делать, когда и редкие воскресные Мессы заражены такой удручающей практикой?

Так называемая пастырская программа "все вместе" навязывает верующему новые жесты идущие против его природы, а пользы от них он не видит. Прежде всего теперь требуется, чтобы все происходило коллективно: с обменом репликами, обменом евангельскими речениями, обменом мнениями, обменом рукопожатиями. Народ Божий подчиняется скрепя сердце, об этом говорят цифры: новые статистические данные показывают очередное падение посещений Евхаристической Жертвы между 1977 и 1983 гг., в то время как личная молитва переживает некоторый рост. Следовательно, пастырская программа "все вместе" не завоевала католический народ. Вот, что я читаю в приходском бюллетене из парижского пригорода: "В течение двух лет месса в 9:30 время от времени проходила особенным образом, а именно: за возвещением Евангелия следовал обмен мнениями, для которого верные организовывались группами по дюжине человек. На самом деле в первый раз, когда попробовали такую службу, группы обсуждения были составлены из общего количества в 69 человек, а 138 осталось вне активности. Можно было подумать, что с течением времени состояние дел улучшится. Ничуть не бывало".

Тогда приходская группа организовала собрание, чтобы выяснить, стоит ли продолжать "Мессы с обменом мнениями". Понятно, что две трети прихожан дотоле сопротивлявшихся пособорным новшествам, были отнюдь не в восторге от импровизированных разговорчиков посреди Мессы.

Как же трудно сегодня быть католиком! Богослужение на французском, даже и без "обменов", оглушает присутствующего потоком слов; многие жалуются, что на Мессе они не могут молиться. Так, когда же им молиться?

Растерянным христианам предлагают различные рецепты, все принимаемые иерархией, лишь бы те подальше отстояли от католической духовности. Самые дикие среди них - йога и дзен. Пагубное увлечение востоком, уводящее благочестие на ложные пути под предлогом "гигиены души". А кто опишет все зло от "телесного выражения", деградацию личности с одновременным возвеличиванием тела в противоположность восхождению к Богу. Эта мода и другие новизны, введенные даже в монастыри созерцательных орденов - чрезвычайно опасны, из-за них правы оказываются говорящие: "Нам поменяли религию".

III. Новая месса: пережитое

У меня перед глазами фотографии из католических газет, представляющих Мессу, как её теперь часто служат. Глядя на первую, я с трудом понимаю, в какой момент Святого Таинства сделан снимок. За обыкновенным деревянным столом, по виду не очень чистым и ничем не покрытым, двое в костюмах при галстуках поднимают или показывают: один - потир, другой - киворий. Из пояснения я узнаю, что это два священника, один из которых - федеральный капеллан *Католического действия*. С той же стороны стола возле первого служителя - две девушки в штанах, рядом со вторым - двое юношей в свитерах. К табуретке прислонена гитара.

Второе фото: сцена представляет собой угол комнаты, которая могла бы быть студенческим общежитием. Священник стоит в одеянии общины Тезе перед стульчаком, который служит алтарем. Видна большая глиняная миска и бокальчик из того же материала, также два зажженных светильника. Пятеро молодых людей в костюмах сидят вокруг на полу, один бренчит на гитаре.

Третий снимок - из репортажа о событиях, имевших место несколько лет назад: судно с несколькими эко-борцами пытается помешать французским ядерным испытаниям на острове Муруроа. Среди них - священник, служащий Мессу на палубе парусника в компании двух мужчин. Все трое в шортах. Один к тому же по пояс голый. Аббат поднимает гостию, наверное для возношения. Он ни стоит, ни на коленях, а сидит, или скорее развалился на корабельном такелаже.

Этим скандальным снимкам присуща одна общая черта: Евхаристия снижена до обыденного действия и вульгарностью обстановки, и используемыми инструментами, и позами, и одеждой. И так называемые католические журналы, продаваемые в церковных лавках, печатают эти фотографии не с целью критики подобных манер, а наоборот, чтобы их порекомендовать. *Жизнь* считает что даже этого не достаточно. По своему обычаю прикрываясь письмами читателей, чтобы высказать собственное суждение, не неся за него ответственности, она пишет: "Литургическая реформа должна бы пойти ещё дальше...Повторы, одни и те же выражения, весь этот распорядок тормозит настоящее творчество". Чем же должна быть Месса? А вот чем: "У нас много проблем, наши трудности все возрастают, но Церковь похоже все еще ни причем. Часто выходишь с Мессы утомленным; есть какой-то разрыв между нашей жизнью, нашими повседневными заботами и тем, чем нам предлагают жить по воскресеньям".

Конечно будешь утомлен мессой, попытавшейся опуститься до уровня человека, вместо того, чтобы поднять человека к Богу и которая, неверно понятая, не помогает преодолеть "проблемы". Призыв

пойти ещё дальше выдает осознанное желание уничтожить чувство священного. Так христианина лишают того необходимого, к чему он стремится, поскольку склонен чтить и почитать все связанное с Богом. Сколь же великого почтения достойна материя для Жертвоприношения, предназначенная стать плотью и кровью Бога! Зачем выпекать серые или черные гости, оставляя частичку отруби? Или хотят заставить забыть слова, опущенные в новом оффертории: *hanc immaculatam hostiam*, "сию незапятнанную жертву"?

Но это еще небольшое изменение. Часто говорят об освящении частей обыкновенного квасного хлеба вместо предписанного чистого опреснока, об исключительном использовании которого недавно напомнила инструкция *Inaestimabile Donum*. Все границы перешли, когда один американский епископ посоветовал изготавливать облатки с молоком, яйцами, дрожжами, мёдом и маргарином. На людей посвященных Богу обмирщение распространяется путём исчезновения облачений священников и монашествующих, обращения по именам, тыканья, светского образа жизни - и это во имя нового принципа, вовсе не "из практических соображений", как нас пытаются заставить поверить. Доказательство? Те монахи, что покидают затвор и поселяются на городской квартире, несут двойные расходы, сняв платок и регулярно оплачивая услуги парикмахера.

Утрата чувства священного ведёт к святотатству. Одна французская газета из западного региона сообщает, что в 1980 г. в Вандее состоялся национальный конкурс мажореток. По этому случаю служили мессу, во время которой мажоретки танцевали, а некоторые из них затем раздавали причастие. Более того, все это увенчалось хороводом, в котором участвовал сам священнослужитель в облачении. Я не собираюсь создавать здесь каталог злоупотреблений, я привел несколько примеров доказывающих, почему у современных католиков есть все основания быть растерянными и даже скандализованными. И я не открываю здесь никакой тайны, каждое воскресное утро телевидение берется нести в дома примеры неприемлемой развязности по отношению к Телу Христа, публично подаваемые епископами. Например трансляция мессы от 22 ноября 1981 года, где вместо потира верные передавали друг другу корзинки; их потом положили на пол вместе со Святыми Дарами.

В Пуатье, в чистый четверг того же года торжественное сослужение включало попеременное освящение хлебцов и стаканчиков вина на столах, к которым каждый подходил угощаться.

Общей практикой стали концерты светской музыки в церквях. В некоторых случаях культовые помещения предоставляют для рок-конcertов, сопровождаемых обычными для них эксцессами. Церкви и соборы предали разврату, наркотикам, мерзости всякого рода, и обряды умилоствления инициировало отнюдь не местное духовенство, а верные, по праву возмущенные скандалом. Как епископы и священники потакающие скандалу не боятся навести на себя и на своих пасомых божье проклятие? Оно уже проявляется в бесплодности их дел. Всё теряется, расстраивается, потому что профанация Святого Жертвоприношения Мессы не приносит благодати, не сообщает её. Пренебрежение к действительному Присутствию Христа в Евхаристии - самый вопиющий факт, в котором выражает себя новый дух, уже не католический. Не считая вышеупомянутых шумных эксцессов, это небрежение можно наблюдать ежедневно. Тридентский собор ясно без малейшего сомнения объяснил, что наш Господь присутствует даже в мельчайших частичках освященной гостии. Что же тогда думать о причастии в руку? На дискосе, даже когда мало причащающихся, всегда остаются частички. Следовательно, теперь частички остаются в руках верных. Это расшатывает веру многих, особенно детей.

Новый образ действий имеет единственное объяснение: если на Мессу приходят, чтобы преломить хлеб с друзьями, поучаствовать в общинной трапезе, знаке общей веры, тогда естественно не требуются дополнительные меры предосторожности. Если Евхаристия понимается как символ, материализующий простое воспоминание прошедшего события, духовное присутствие Господа нашего, совершенно логично не заботиться о том, что крошки могут упасть на пол. Но если речь идёт о присутствии Самого Бога-Творца, как то утверждает вера Церкви, как понять согласие на причастие в руку и даже его поддержку со стороны духовенства, несмотря на недавние документы из Рима? Протаскиваемая эта идея - протестантская, и против неё восстают ещё не зараженные католики. А чтобы скорее навязать эту идею, верных заставляют причащаться стоя.

Пристало ли принимать без малейшего признака уважения и почтения Христа, перед Которым, как говорит св. Павел, преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних? Многие священники уже не преклоняют колена перед Святой Евхаристией; новый чин мессы их к этому подталкивает. Я вижу здесь только два возможных объяснения: либо огромную гордыню, заставляющую обращаться с Богом как с равным, либо уверенность, что на самом деле Бога нет в Евхаристии.

Я не выдвигаю иск против так называемой "соборной Церкви". Я ничего не придумываю. Послушайте,

как выражается декан теологического факультета Страсбурга:

"Так говорят о присутствии оратора, актёра, обозначая этим иное качество, чем топографическое "здесь-бытие". Наконец некто может присутствовать символическим действием, физически выполняемом не им, а другими - из творческой верности его глубочайшей воле. Например, фестиваль в Байройте без сомнения реализует присутствие Рихарда Вагнера, гораздо превышающее по интенсивности присутствие композитора, явленное в его произведениях и концертах, исполняемых от случая к случаю. В этой последней перспективе, кажется мне, и подобает располагать евхаристическое присутствие Христа".

Сравнить Мессу с фестивалем в Байройте! Нет, мы решительно не сойдемся ни в музыке, ни в словах.

Текст сохранен с официального ресурса Священнического Братства Святого Пия X в Беларуси и СНГ

<http://www.fsspx.of.by>